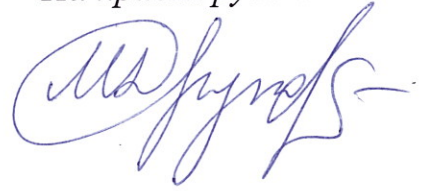

На правах рукописи

Дружкин Сергей Михайлович

**БИОЭТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В СОВРЕМЕННОЙ
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

5.7.2. – история философии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2026

Работа выполнена в департаменте философии и социальных наук института гуманитарных наук Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования г. Москвы «Московский городской педагогический университет».

Научный руководитель

Савченко Ирина Александровна,
доктор социологических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Моисеев Вячеслав Иванович,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии ФГБОУ
ВО «Российский университет медицины»
Министерства здравоохранения
Российской Федерации

Рочняк Елена Владимировна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
педагогический университет имени
В. Шаталова»

Ведущая организация

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт научной
информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Защита диссертации состоится «12» ноября 2026 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета 72.2.007.05 на базе ГАОУ ВО МГПУ по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО МГПУ по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 и на сайте www.mgpu.ru.

Автореферат разослан «___» июня 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Сахарова М.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью историко-философского осмысления глобальных вызовов, порождаемых развитием биомедицинских технологий, цифровизацией, проектами трансгуманизма и кризисом гуманизации. История современной философии позволяет осмыслить генезис биоэтики как междисциплинарной области знания в контексте динамики эпистемологических и ценностных парадигм. «Большие вызовы»¹ требуют новых историко-философских подходов, например, исторического анализа этических аспектов генетического улучшения человека², дилемм старения и справедливости в медицине³, этико-социальной роли искусственного интеллекта⁴. Эти идеи вплетены в глобальный контекст документов ЮНЕСКО и ВОЗ, где принципы, подобные африканской *Ubuntu*⁵, подчёркивают необходимость межкультурного диалога и историко-философского своеобразия. Биоэтика, будучи подвергнута историко-философской рефлексии, предстаёт не просто как реакция научного сообщества на новые технологии, но как форма защиты индивидуальности и достоинства, восходящая к классическому гуманизму и экзистенциальной философии, что особенно значимо в условиях радикальной трансформации экзистенциальных оснований современного общества⁶. В исследовательском поле истории философии биоэтика может осмысливаться как трансформирующийся политико-философский инструмент защиты прав человека и демократии, консолидирующий исторический опыт социальной солидарности перед лицом глобальных угроз, в том числе на фоне последствий болезней и эпидемий⁷. Современные биоэтические концепции, подвергаясь процессам глобализации и унификации, тем не менее, формируются в специфических историко-культурных условиях, что актуализирует задачу выявления и оценки локальных особенностей развития биоэтической рефлексии.

¹ См.: Большие вызовы и приоритеты научно-технологического развития РФ // Научно-технологическое развитие Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://ntp.pf/challenges-priorities/?ysclid=mp5yn9am7d930133540> (дата обращения 20.05.2025).

² См. Savulescu J. Genetic Interventions and the Ethics of Enhancement of Human Beings // The Oxford Handbook of Bioethics. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 516–535.

³ См. Perone A.K., Urrutia-Pujana L., Zhou L., Yaisikana M., Mendez Campos B. The Equitable Aging in Health Conceptual Framework: International Interventions Infusing Power and Justice to Address Social Isolation and Loneliness Among Older Adults // Frontiers in Public Health. 2025. Vol. 13. 20 p.

⁴ См. Ekmekci P.E., Arda B. Artificial Intelligence and Bioethics. Cham: Springer, 2020. 114 p.

⁵ Убунту (Ubuntu) – это философская концепция африканского происхождения, центральным постулатом которой является всеобщая взаимосвязь человечества. Термин, уходящий корнями в языки зулу и коса, дословно означает «человечность по отношению к другим людям».

⁶ См. Мещерякова Т.В. Причины появления биоэтики // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. № 4 (12). С. 90–100.

⁷ См. Travieso J.A., Ferraro A.V., Trikoz E.N., Gulyaeva E.E. Bioethical Aspects of Human Rights in Modern Latin America // Kutafin Law Review. 2021. Vol. 8. № 1. P. 85–98.

Латинская Америка представляет собой уникальное эпистемическое пространство для такой философской рефлексии, синтезирующее комплекс культурных, социальных и политических реалий – от колониального наследия и постколониальной трансформации до острых проблем социального неравенства, этнического разнообразия и экологических кризисов, выраженных в латиноамериканском философском дискурсе. В данном регионе биоэтика конституировалась не в качестве сугубо теоретической дисциплины, но как форма практической философии и социального действия, тесно связанная с проектами эмансипации, дискурсом прав человека, экологической и эпистемологической справедливостью. С экстерналистской точки зрения развитие латиноамериканской биоэтики детерминировано вовлеченностью в общий интеллектуальный контекст деколониального поворота. С интерналистской же позиции содержательное наполнение и нормативный каркас латиноамериканской биоэтики формируются за счет рефлексивного освоения и развития аутохтонных интернальных философско-этических традиций (*Buen Vivir* – «буэн бивир» – хорошая жизнь) и аксиологических ориентаций на солидарность и коллективную, а не индивидуальную, ответственность. Её уникальность заключается в критическом переосмыслении и адаптации глобальных принципов («автономия», «благодеяние», «непричинение вреда», «справедливость») через призму коллективистских ценностей, уязвимости маргинализированных групп и альтернативных концепций, укоренённых в локальных традициях. Эти региональные особенности представляют не только локальный интерес, но и обладают потенциалом для обогащения и оживления глобального биоэтического дискурса, внося в него перспективы альтернативных решений насущных проблем. При этом латиноамериканская биоэтическая мысль демонстрирует свой прикладной, трансформативный характер, распространяясь на разнообразные практики – медицинские, образовательные, политические и экологические.

Ключевыми особенностями латиноамериканского макрорегиона являются:

- 1) *конфликт между глобальными стандартами и локальными практиками.* Например, внедрение «западных» биоэтических принципов автономии и информированного согласия вступает в противоречие с коллективистской этикой коренных народов (например, народов кечуа или мапуче), где решения о здоровье принимаются общиной;
- 2) *социально-экологические кризисы как этические вызовы.* Катастрофические последствия добычи ресурсов (вырубка лесов Амазонки, горнодобывающая промышленность в Перу) ставят вопросы экологической справедливости и права на здоровую среду;

3) *политизация биоэтики в борьбе за права маргинализированных групп.* Например, в Бразилии биоэтические дебаты о доступности антиретровирусной терапии в 1990-е стали частью движения за социальное право на здоровье, а в Аргентине феминистские коллективы используют биоэтические аргументы в защиту репродуктивных прав.

Несмотря на значимость и самобытность данного интеллектуально-философского направления, на сегодняшний день выполнено весьма мало историко-философских исследований, где предпринимаются попытки систематизировать научные достижения биоэтики в Латинской Америке. Исследования, направленные на анализ публикационной востребованности латиноамериканских исследований в области биоэтики в мировой науке⁸, показывают невысокий уровень влияния этих работ на глобальную науку (по сравнению с исследованиями, проводимыми в Западной Европе и США), что подтверждается небольшим числом цитирований иberoамериканских авторов. Однако Латинская Америка является одним из самых стремительно развивающихся регионов в сфере гуманитарной науки, а также медицины и технологий, поэтому, вероятнее всего, ситуация будет меняться. В этом контексте историко-философское исследование основных направлений латиноамериканской биоэтической мысли поспособствует преодолению маргинального статуса латиноамериканского биоэтического дискурса и его интеграции в общемировое философское поле.

Степень научной разработанности проблемы

Концептуальный фундамент биоэтики строился на научных основаниях этики, которая способствовала формированию критериев морального выбора в медицине и биологии. Так, А. Макинтайр в свое время представил историю моральной философии как живой динамический процесс, неразрывно вплетённый в трансформацию социальных форм и общественных идеалов⁹, а Д. Ролз сформулировал деонтологическую концепцию справедливости¹⁰. Современные этики в России анализируют вопросы, близкие к биоэтическим. А.А. Гусейнов ищет точки разграничения между нравственной философией и этикой, сосредоточивая внимание на категориях ответственности и поступка¹¹, О.П. Зубец,

⁸ См. Garcia L.F., Fernandes M.S., Moreno J.D., Goldim J.R. Mapping Bioethics in Latin America: History, Theoretical Models, and Scientific Output // Journal of Bioethical Inquiry. 2019. Vol. 16. P. 323–331; Valderrama-Zurián J.C., Aleixandre-Benavent R, Aznar J. The Impact of Ibero-American Science on Global Bioethical Thinking // Developing World Bioeth. 2022. Vol. 22. № 1. P. 4–14.

⁹ См. Macintyre A. A Short History of Ethics. London: Routledge & Kegan Paul, 1989. 280 p.

¹⁰ Ролз Д. Теория справедливости / науч. ред. В. В. Целищев, пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 534 с.

¹¹ См. Гусейнов А. А. Нравственная философия и этика: линия разграничения // Этическая мысль. 2019. Т. 19. С. 5–16.

подвергая философскому анализу опыт человеческих страданий на примере Аушвица, настаивает на неуниверсальности дихотомии добра и зла и предлагает дополнить ее антиномией субъектности бессубъектности¹², В.М. Мапельман устанавливает генеалогию ценностной анемии, поразившей гуманистические ценности современности, и подвергает философской ревизии стратегии этической реабилитации, артикулируемые в дискурсе «нового гуманизма»¹³.

В мировой науке биоэтика как научная дисциплина начала активно развиваться с 1970-х годов, в первую очередь в США и Европе, где были разработаны ее основные теоретические модели. В общемировом контексте, благодаря работам американского биохимика В.Р. Поттера¹⁴ во второй половине XX века, биоэтика стала ответом на этические вызовы научного прогресса – от генной инженерии до медицинских экспериментов, нарушающих права человека. Поттер видел в ней «мост» между биологией и гуманитарными ценностями, но импульс к её развитию дали и философы: Т. Бичамп и Д. Чилдресс предложили принципализм – систему из автономии, благодеяния, непричинения вреда и справедливости¹⁵, ставшую основой биомедицинской этики. П. Сингер расширил дисциплину, включив в неё права животных и вопросы эвтаназии¹⁶, а Г. Йонас в «Принципе ответственности»¹⁷ призвал к осторожности в применении технологий, угрожающих будущему человечества. Э. Пеллегрин акцентировал роль врачебных добродетелей¹⁸, Ю. Хабермас предостерегал от манипуляций с человеческой природой¹⁹, а Р. Маклин заложила основы этики глобального здравоохранения, критикуя эксплуатацию развивающихся стран в клинических испытаниях²⁰. В то же время латиноамериканская биоэтика приобрела свои характерные особенности под влиянием социальных и политических изменений в странах региона, а также благодаря воздействию либеральной теологии и философии освобождения (Л. Сеа, А. Роиг, Э. Дуссель и др.). Важно, что такие

¹² См. Зубец О.П. Аушвиц: разрушение понятия зла // Человек. 2022. Вып. 33. № 4. С. 77-93.

¹³ См. Мапельман В.М. «Новый гуманизм» и его ценностные ориентиры // Научный вестник Арктики. 2021. № 11. С. 80-85.

¹⁴ См. Potter V.R. Global Bioethics. Building on the Leopold Legacy. Michigan: Michigan State University Press, 1988. 203 p.

¹⁵ См. Beauchamp T.L., Childress J.F. Principles of Biomedical Ethics. 7th ed. New York: Oxford University Press, 2013. 459 p.

¹⁶ См. Сингер П. Освобождение животных / Пер. с англ. А. Коробейников. М.: Синдбад, 2021. 448 с.

¹⁷ См. Йонас Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации; Наука как персональный опыт / Пер. И.И. Маханькова. Москва: Айрис-пресс, 2004. 479 с.

¹⁸ См. Pellegrino E.D. The Virtuous Physician, and the Ethics of Medicine // Virtue and Medicine. Dordrecht: Springer, 1985. P. 237–255.

¹⁹ См. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. 144 с.

²⁰ См. Macklin R. Against Relativism: Cultural Diversity and the Search for Ethical Universals in Medicine. Oxford: Oxford University Press, 1999. 290 p.; Macklin R. Ethics in Global Health: Research, Policy, and Practice. Oxford: Oxford University Press, 2012. 432 p.

представители латиноамериканской биоэтики, как Д. Грасия²¹, Х.А. Майнетти²², А. Льяно²³, Э. Дуссель²⁴, В. Гаррафа²⁵, М. Коттоу²⁶, развивали концепты биоэтики, ориентированные на решение проблем, имеющих глобальное значение – бедности, неравенства, прав человека и экологических угроз.

В современной России биоэтика также входит в исследовательское поле философии. Среди выдающихся ученых выделяются такие, как Б.Г. Юдин, Е.Г. Гребенщикова, О.В. Попова, П.Д. Тищенко, Е.В. Брызгалина, Е.В. Введенская, В.И. Моисеев, У.С. Струговщикова, А.О. Борисова, А.Я. Иванюшкин, И.А. Иванюшкин, А.Л. Хохлов, И.В. Силуянова. Б.Г. Юдин (ИФ РАН) считается основателем отечественной биоэтики. Его работы включают экспертный анализ законодательных инициатив, критику трансгуманизма с позиций сохранения человеческой идентичности, продвижение диалога между наукой и религией²⁷. Е.Г. Гребенщикова (ИНИОН РАН, РНИМУ им. Н.И. Пирогова) раскрывает этические проблемы современной генетики, глубоко анализируя дилеммы преконцепционного тестирования, репродуктивной автономии и социокультурного измерения медицины. Развивает идею биологического гражданства, показывая, как пациентские организации и новые геномные технологии трансформируют отношения между наукой, обществом и государством. Исследует феномен потребительской геномики как формы самомедиализации и расширения автономии пациента²⁸. О.В. Попова (ИФ РАН) анализирует биоэтику через самосознание технологической цивилизации²⁹, проблематизирует концепты тела, телесности в истории философской мысли³⁰,

²¹ См. Gracia D. El contexto histórico de la bioética hispanoamericana / Perspectivas de la bioética en Iberoamérica. Programa de Bioética de la Organización Panamericana de la Salud. Santiago (Chile): Organización Mundial de la Salud, 2007. P. 21–36.

²² См. Mainetti J.A. The Discourses of Bioethics in Latin America // Ibero-American Bioethics. Philosophy and Medicine. 2010. Vol. 106. P. 21–27.

²³ См. Llano Escobar A. La bioética en América Latina y en Colombia / Perspectivas de la bioética en Iberoamérica. Santiago de Chile: OPS/OMS, 2007. P. 51–58.

²⁴ См. Dussel E. Ética de la liberación en la edad de la globalización y de la exclusión. México: Trotta, 2006. 661 p.

²⁵ См. Garrafa V. Da bioética de princípios a uma bioética interventiva // SIMPÓSIO. Brasília: Cátedra Unesco de Bioética da Universidade de Brasília, 2005. Vol. 13. № 1. P. 125–134.

²⁶ См. Kottow M. Bioética pós-secular: uma proposta para a América Latina // Revista Bioética. 2016. Vol. 24. № 3. P. 435–442.

²⁷ См. Юдин Б.Г. Трансгуманизм: сверхгуманизм или антигуманизм? // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 / Под ред. Ф.Г. Майленовой. М.: ИФ РАН, 2013. С. 10–25; Юдин Б.Г. Биоэтика: вопросы и ответы. М.: «Прогресс-Традиция», 2005. 64 с.; Юдин Б.Г. К биоэтике я шел непростым путем // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 92–100; Юдин Б.Г. Биоэтика: принципы, правила, проблемы // РАН. Рос. нац. ком. по биоэтике, Ин-т человека; отв. ред. и сост. - д. филос. н., проф. Б.Г. Юдин. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 470 с.

²⁸ См. Гребенщикова Е.Г. Этические проблемы преконцепционного генетического тестирования // Медицинская генетика. 2025. Т. 24. № 4. С. 4–11; Гребенщикова Е.Г. Биологическое гражданство: от пациентских организаций до потребительской геномики // Человек. 2019. Т. 30, № 6. С. 72–81.

²⁹ См. Попова О.В. Философская биоэтика: монография. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2024. 416 с.

³⁰ См. Попова О.В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования: монография. Москва: Канон-плюс: Реабилитация, 2020. 335 с.

рассматривает процесс формирования новых смыслов спорта в связи с развитием биомедицинских технологий³¹. П.Д. Тищенко (ИФ РАН) раскрывает концепцию «локальной обусловленной рациональности» научного и этического дискурсов, взаимодействующих в пространстве повседневного языка в рамках их соперничества за легитимацию. Вводит идею становления новой формы «биовласти», связанной с децентрализованными институтами биомедицины, которые осуществляют контроль через регулирование интерпретаций человеческой сущности, критериев существования и социально-демографических норм³². Е.В. Брызгалина (МГУ им. Ломоносова) – создатель единственной в России магистерской программы «Биоэтика» (направление подготовки «Прикладная этика»). Исследует биоэтические дилеммы, связанные с началом и завершением жизни человека; вопросы этики при вмешательстве в физическую и психическую целостность личности (экспериментирование, трансплантология); применение искусственного интеллекта в медицинской практике; регулирование этических норм в области биобанкинга и генетических опытов³³. В.И. Моисеев (РосУниМед) развивает диалектический метод, рассматривая биоэтические противоречия (конфликт между правом на жизнь и качеством жизни) через единство противоположностей³⁴. А.Л. Хохлов (ЯГМУ) подчеркивает, что биоэтика выступает интегрирующей основой, объединяющей передовые достижения разных областей современной медицины и способствующей укреплению позиций российского научного сообщества на глобальном уровне³⁵.

³¹ См. Попова О.В. Новые смыслы и модальности спорта в контексте развития биомедицины // Человек. 2023. Т. 34. № 2. С. 59–65.

³² См. Тищенко П.Д. Казус Хэ Цзянькуя и китайская евгеника // Биоэтика и генетика: вызовы XXI века: коллективная монография. М.: ИНИОН РАН, 2024. С. 103–114.; Тищенко П.Д. Человек как открытая целостность: the whole is a hole // Человек как открытая целостность: монография / Отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 286–295; Тищенко П.Д. Биоэтика как практическая философия и открытие Другого (В.В. Вересаев и Тр. Энгельхардт мл.) // Наука и феномен человека в эпоху Макросдвига. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2023. С. 590–607.

³³ См. Брызгалина Е.В. Цифровая биоэтика как этика цифрового здравоохранения // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2023. Вып. 1. № 35. С. 9–29; Брызгалина Е.В. Биоэтика и генетика: вызовы XXI века: коллективная монография / Отв. ред. Е.Г. Гребенщикова. М.: ИНИОН РАН, 2024. 224 с.

³⁴ См. Моисеев В.И. От био- к транс-этике: проект этики как аксиоматической системы // Биоэтика и биотехнологии: пределы улучшения человека: сб. науч. статей. К 70-летию Павла Дмитриевича Тищенко / Под ред. Е.Г. Гребенщиковой, Б.Г. Юдина. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. С.141–156; Моисеев В.И., Моисеева О.Н. О новой концепции философско-биоэтического образования в медицинском вузе // Гуманитарная подготовка в медицинском вузе: проблемы и перспективы, мат. межвуз. научно-практ. конф. Санкт-Петербург, 27 мая 2022 г. СПб.: Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова, 2023. С. 92–95; Моисеев В.И., Моисеева О.Н. Биоэтика как проект прикладной интегральной этики // Биоэтика в развитии: нравственно-философский стержень и правовая поддержка: монография / Отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбаков. М.: Проспект, 2022. С. 45–53.

³⁵ См. Хохлов А.Л., Белоусов Д.Ю. Этические аспекты использования медицинских изделий с технологией интернета тела // Качественная клиническая практика. 2021. № 2. С. 99–98; Хохлов А.Л., Белоусов Д.Ю. Технология 3D-биопечати: вопросы биоэтики // Медицинская этика. 2022. № 1. С. 46–51.

Латиноамериканская философия также находится в поле зрения ряда российских ученых. Известны такие представители, как Н.И. Петякшева, В.Л. Хейфец, К.А. Коновалова, Е.В. Рочняк, Р.А. Баталин, А.В. Басманов, А.Н. Данненберг и др. В поле зрения ученых оказываются различные вопросы, например, влияние так называемого «правого поворота» в политике латиноамериканских стран (Бразилии, Колумбии, Чили, Парагвая) на процессы региональной интеграции³⁶. Анализируется экофилософская концепция просвещённого патриотизма³⁷. Особый интерес в данном контексте представляют философско-религиоведческий анализ католической церкви в Латинской Америке³⁸ и исторические исследования латиноамериканской философии освобождения: выявляются механизмы становления оригинальной философской традиции в контексте деколонизации и плюрализма философских культур³⁹.

Область исследования определена в соответствии с паспортом специальности 5.7.2 «История философии»: философская компаративистика, постколониальные исследования, межкультурная философия, кросс-культурная философия, философия слияния (философия фьюжн) как отрасли современной философии, историко-философских исследований и методологические приемы. Концепции диалога культур и полилога как формы взаимодействия разных философских традиций (п. 3); философия XIX в. (п. 11); философия XX и XXI вв. (п. 12); континентальная философия (п. 14); американская философия (п. 15); латиноамериканская философия (п. 37).

Проблема исследования заключается в исследовательском противоречии между крайне фрагментарной изученностью латиноамериканской биоэтической мысли в современной истории философии и научной востребованностью в понимании сущности латиноамериканских биоэтических концепций. Такая востребованность объясняется тем, что латиноамериканская биоэтическая рефлексия, будучи уникальным научным явлением, вместе с тем поднимает и решает проблемы, имеющие значение для развития биоэтической мысли в мировом масштабе. При этом биоэтическая проблематика, развиваемая

³⁶ См. Хейфец В.Л., Коновалова К.А. Латиноамериканская интеграция на фоне «правого поворота»: между иррелевантностью и поиском новых смыслов // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 3. С. 447–463.

³⁷ См. Рочняк Е.В., Баталин Р.А. Экофилософский характер идеи патриотизма современных латиноамериканских мыслителей // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2024. № 1. С. 23–30.

³⁸ См. Данненберг А.Н. Католическая церковь в Латинской Америке в конце XX – начале XXI вв.: философско-религиоведческий анализ: дис. ... д-ра. филос. наук: 09.00.14 / Данненберг Антон Николаевич. М., 2016. 372 с.

³⁹ См. Петякшева Н.И. Латиноамериканская «философия освобождения» в контексте компаративистики: дис. ... д-ра. филос. наук: 09.00.03 / Петякшева Наталья Ивановна. М., 2000. 334 с.; Басманов А.В. Аргентинская философия освобождения в поисках идентичности и легитимации латиноамериканской интеллектуальной культуры: эмпирический историцизм А.А. Рои́га и трансмодерн Э. Дусселя: дис. ... канд. филос. наук: 5.7.2 / Басманов Алексей Владимирович. М., 2024. 160 с.

современными латиноамериканскими учеными, не получила системного историко-философского осмысления ни в России, ни на Западе, ни в самой Латинской Америке.

Объект исследования: биоэтика как область историко-философской рефлексии. **Предмет исследования:** биоэтическая проблематика и ее специфика в истории современной латиноамериканской философии.

Цель исследования: проанализировать научно-теоретические и социально-исторические источники развития биоэтики в Латинской Америке и на этой основе выявить особенности и ведущие траектории биоэтической рефлексии в современной латиноамериканской философии.

Гипотеза исследования: современная латиноамериканская философия формирует особый тип биоэтической рефлексии, существенно отличающийся от доминирующих североамериканских и западноевропейских школ биоэтики, поскольку:

- опирается на принципы социальной справедливости и «этики освобождения», уделяя приоритетное внимание борьбе с нищетой, неравенством и дискриминацией;
- вбирает в себя интеркультурную и экологическую проблематику, что отражает природное и этнокультурное многообразие в регионе;
- формирует альтернативную парадигму взаимодействия философии, религии и медицины, где значимую роль играют коренные традиции и католическое учение, преобразованные теологией освобождения;
- имеет потенциал для обогащения глобальной биоэтики, предлагая расширенный взгляд на этические принципы, применимые в контекстах социальной и экологической уязвимости.

Задачи исследования:

1. Выявить и проанализировать ключевые философские концепты и интеллектуальные контексты европейской философской мысли, обусловившие становление и развитие биоэтики как области знания и этической парадигмы.

2. Проследить генезис и выявить универсальные черты биоэтики как научной дисциплины социальной практики и раскрыть партикулярные характеристики биоэтических концепций в европейской, североамериканской и латиноамериканской философии. Показать характер влияния мировой биоэтической мысли на биоэтические исследования в Латинской Америке.

3. Определить этапы и обосновать специфику развития биоэтики в отечественной науке. Выявить системные параллели в динамике биоэтического

знания в России и Латинской Америке в контексте социально-исторических трансформаций XX–XXI веков.

4. Определить культурно-исторические особенности Латинской Америки, показать дихотомную и полипарадигмальную природу латиноамериканской биоэтики и выявить основные этапы эволюции биоэтических идей в латиноамериканской философии.

5. Изучить генезис и содержание латиноамериканской «освободительной биоэтики», проанализировать основные социально-политические ориентиры «освободительной биоэтики», установить связь «освободительной биоэтики» с теологией освобождения, доказать, что «освободительную биоэтику» можно рассматривать как особое исследовательское направление.

6. Раскрыть содержательные особенности латиноамериканской «феминистской биоэтики», показать специфику критики гендерных асимметрий, медицинского патернализма, коммодификации тела, влияния религиозно обусловленных запретов на репродуктивные права.

7. Выявить основания, сформулировать принципы латиноамериканской «экологической биоэтики», показать её роль в преодолении экологического антропоцентризма и продвижении биоцентрических моделей.

Методологические основы исследования составляют общеполитические методы и специальные методы историко-политического исследования. *Историко-политический подход* помог проследить эволюцию биоэтики от первых этических дискуссий до самостоятельных направлений (например, «освободительной биоэтики»). *Метод исторической реконструкции* позволил связать развитие науки с этическими проблемами, такими как нравственная ответственность учёных. *Этико-аксиологический анализ* определил влияние научно-технического прогресса на систему ценностей. *Герменевтический метод* выявил скрытые смыслы в текстах латиноамериканских исследователей (Диего Грасии, Хосе Альберто Майнетти, Альфонсо Льяно, Вольнея Гаррафа и др.), подчеркнув контекстуальные связи. *Системный подход* раскрыл латиноамериканскую биоэтику как динамическую систему, где взаимодействуют направления (освободительная, феминистская и экологическая), формируя иерархии ценностей и механизмы взаимовлияния. *Структурно-функциональный анализ* подчеркнул значимость каждого элемента в этой системе. *Компаративный метод* позволил сопоставить латиноамериканские концепции с североамериканскими и европейскими, выявив как общие черты (принципы автономии, справедливости), так и уникальные трактовки (социальная солидарность, интеркультурность). *Междисциплинарный подход* обеспечил многоаспектность исследования. *Таким образом*, интеграция методов позволила

раскрыть уникальность латиноамериканской биоэтики, показав её связь с локальными социальными реалиями и культурным наследием, с одной стороны, и глобальными тенденциями, с другой.

Хронологические рамки исследования. Работа охватывает весь период становления и развития биоэтики с 1970-х гг. по 2025 год. Деление его на отдельные этапы (1 – традиционно-этический (гетерономный) (до 1970-х); 2 – концептуализационный (1970–1980-е); 3 – институционализационный (1990–2000-е); 4 – современный (интегративно-технологический) (2010-е – н. в.) обосновано развитием науки и техники, а также социально-политическими изменениями.

Источниковой базой исследования стали работы латиноамериканских исследователей (богословов, философов, юристов, врачей и биологов) XX и XXI вв., рассматривавших проблемы человека, животных, природы в рамках биоэтики. В данной работе предпочтение было отдано текстам наиболее ярких латиноамериканских представителей биоэтической мысли, позволяющим создать релевантную реконструкцию биоэтической рефлексии в современной латиноамериканской философии. В качестве фактического исследовательского материала выступили труды латиноамериканских философов, представляющих основные направления латиноамериканской биоэтики: Флоренсия Луна, Фернандо Лолас Степке, Волней Гаррафа, Мигель Коттоу, Хосе Сальвадор Арельяно Родригес, Альберто Куаутеок Майорга Мадригал, Омар Франка, Фабио Альберто Гарсон Диас, Милагритос Йозелия Мендоса-Луна, Франсиско Хавьер Леон Корреа, Карина Фелитти и другие. Среди латиноамериканских философов, оказавших влияние на ход нашего исследования, мы отдельно выделяем аргентинского философа Флоренсию Луна, которая предложила феномен «исторической фотографии» – устойчивого образа прошлого, детерминирующего принятие практических решений в области биоэтики. В работах, представляющих основные направления латиноамериканской биоэтики, Ф. Луна настаивает, что латиноамериканский социум сохраняет устаревшие интеллектуальные шаблоны Европы 1970-х годов, которые деформируют институты и провоцируют дисбалансы. Ключевой характеристикой такого мышления выступает принцип «сначала копировать, потом анализировать», оборачивающийся механическим заимствованием без критической адаптации. В тексте представлены многочисленные высказывания латиноамериканских философов, переведенные с испанского (в ряде случаев – с португальского) языка на русский автором настоящей диссертации.

Научная новизна исследования заключается в комплексном исследовании латиноамериканской биоэтики как самостоятельного направления в мировой биоэтической философской традиции. В частности, в работе:

1. Определена специфика генезиса биоэтики как научной дисциплины, выявлены ее универсальные характеристики. На основе компаративного анализа раскрыты концептуальные отличия биоэтических практик и научных моделей биоэтики, сложившихся в США, Западной Европе и Латинской Америке. Определены партикулярные черты латиноамериканской философской мысли в области биоэтики, определены её социально-политические (либеральная теология), социокультурные (постколониальная критика) и религиозные (католическая традиция) контексты. Показан дихотомный характер латиноамериканской биоэтики, которая формировалась одновременно под влиянием западной этической традиции и на основе критики западного универсализма.

2. Установлены системные параллели в развитии и ценностной направленности российской и латиноамериканской биоэтики. Показано, что биоэтика в России опирается на глубокую этико-философскую традицию, которая отразилась и на развитии этической мысли в Латинской Америке. Установлено, что латиноамериканскую и российскую биоэтику объединяет системная дихотомия в отношениях с западной наукой. Как российская, так и латиноамериканская биоэтика в процессе своего становления испытали влияние западной биоэтической модели. Но вместе с тем сегодня они в определенной степени самоопределяются в процессе отрицания западной модели биоэтического принципализма, делая акцент на социальной справедливости и уважении к личности.

3. Выявлена специфика методологии биоэтических исследований в Латинской Америке. Установлено, что в латиноамериканской биоэтике сформировалась междисциплинарная методологическая конфигурация, которая объединяет критику эпистемического насилия, идеи философии освобождения, педагогику угнетённых, трансформированный католицизм и герменевтическую критику позитивистской медицины в рамках стратегии «глокализации». Такая методология способствует развитию идей коллективного блага и диалога с маргинализированными группами. В отличие от англосаксонской «прикладной этики», данная методология трансформирует историческую уязвимость в этический императив, утверждая дисциплину как антропологический феномен и инструмент преодоления неравенства.

4. Переосмыслена и дополнена периодизация эволюции биоэтических идей в Латинской Америке. В периодизацию включена новая четвертая стадия –

современная интегрально-технологическая (2010-е – настоящее время), характеризующаяся расширением технологической, экологической и социальной проблематики. Выявлены маркеры полифонического диалога в латиноамериканской биоэтике: концептуальной оппозиции, хронотопической многослойности, интертекстуальности, междисциплинарного синтеза, институционального и практического плюрализма, объединяющего научный и общественный активизм, правовые инновации и междисциплинарные исследования.

5. Осуществлён историко-философский анализ освободительной биоэтики (*bioética de la liberación*), которая, будучи основанной на философии освобождения, одновременно представляющей собой образец своеобразного общественного мировоззрения и уникального латиноамериканского направления в философии, концептуализируется как ответ на структурное насилие, социальное неравенство и колониальное наследие на континенте.

6. Показано, как феминистская биоэтика (*bioética feminista*) как вариант логического развития освободительной биоэтики обретает самобытные черты через критику гендерных асимметрий и социальной несправедливости в латиноамериканских социокультурных контекстах, находящих отражение в особенностях доступа к медицинским ресурсам, репродуктивным правам и сексуальному здоровью. Установлено, что *bioética feminista* имеет целью достижение репродуктивной справедливости, обеспечение телесной автономии женщин и интеграция женского опыта в биоэтический дискурс.

7. Раскрыты особенности экологической биоэтики (*bioética ambiental*) как междисциплинарного теоретико-нормативного направления, также сформированного на основе освободительной биоэтики с акцентом на ответственности человека перед природой. Выявлено, каким образом *bioética ambiental* формирует философские основания для осмысления моральных обязательств перед живыми существами, экосистемами, коренными народами и будущими поколениями в условиях экологического кризиса.

Положения, выносимые на защиту:

1. В мировой науке биоэтика является внутренне противоречивым, полипарадигмальным социально-эпистемическим феноменом. Ее современный междисциплинарный статус определяется дихотомией глобально-экологических и биомедицинских приоритетов. Универсальные задачи биоэтики: 1) *рефлексивный ответ* на развитие биомедицины, биотехнологий, обусловленные ими моральные вопросы (эвтаназия, эксперименты с эмбрионами, генная инженерия и др.), с которыми не справлялись традиционные этические системы; 2) *реализация*

функций «мостовидной дисциплины» (по выражению В.Р. Поттера) между философией (этикой), медициной, правом, биологией, экологией, социологией; 3) институционализация в качестве научной дисциплины и социального института, воплощенного в этических комитетах, законах, учебных курсах, инспекторских объединениях и университетских кафедрах. Биоэтика, являясь единой наукой, репрезентирована через взаимосвязанные аспекты: академический, клинический, политический и образовательный. Ее статус изменился – от исследовательской области до активной культурной и политической силы.

2. Несмотря на то, что латиноамериканская биоэтика в своем развитии испытывала серьезное влияние североамериканской биоэтической традиции, между ними на сегодняшний день наблюдаются серьезные отличия. Методологическое ядро североамериканской биоэтики (Ф. Яр, В.Р. Поттер, А. Хеллегерс) образует система четырех принципов – «принципализм»: автономии, благодеяния, непричинения вреда, справедливости (Т. Бичамп и Д. Чилдресс). Ключевыми понятиями являются информированное согласие, права пациентов, этика исследований, дебаты о новых технологиях (критика «новой евгеники»). Латиноамериканская же биоэтика сформировалась в условиях глубокого социально-экономического неравенства, колониального наследия и постдиктаторских обществ. Наблюдается ценностный сдвиг от автономии к социальной справедливости, солидарности и защите уязвимых. Отличительными чертами являются критика североамериканского принципализма, сильное влияние католической этики, синтез с местными (преимущественно индейскими) традициями, синкретические представления о жизни и смерти. Главными акцентами являются деколонизация биоэтики, преодоление «эпистемического насилия» и механического заимствования западных моделей, создание собственной идентичности, ориентированной на местные проблемы.

3. Выявлены системные параллели в развитии и ценностной направленности российской и латиноамериканской моделей биоэтики. Российская биоэтическая школа соединяет автономию личности с социальной справедливостью и солидарностью. Формирование и институционализация биоэтики в России – это нелинейный процесс философско-социальной интеграции патерналистско-коллективистской модели советской медицинской деонтологии и западной биоэтической модели с доминирующими в ней положениями принципализма. Такая интеграция обеспечена философской рефлексией (С.Л. Рубинштейн, А.А. Гусейнов, И.Т. Фролов, Б.Г. Юдин, Е.Г. Гребенщикова, О.В. Попова, П.Д. Тищенко, Е.В. Брызгалина и др.) и институциональной деятельностью (Сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН, кафедра биоэтики РНИМУ

им. Н.И. Пирогова). В результате современная российская биоэтика стала методологически плюралистичной, социально ориентированной дисциплиной, уникальным «гибридом» патерналистско-этатистского наследия советской деонтологии, западных концепций и научных трендов цифровой эпохи (цифровизация, постгуманизм, прецизионная медицина), что определяет её идентичность и равноправное участие в международном философско-этическом диалоге. Системные параллели российской и латиноамериканской биоэтики основаны на близости гуманистических этико-философских традиций, противоречивом отношении к западной биоэтической модели (усвоение основных категорий с их последующим отрицанием), акценте на социальной справедливости, солидарности и уважении личности.

4. Специфика методологии биоэтики в Латинской Америке заключается в формировании междисциплинарной конфигурации, интегрирующей критическую герменевтику, идеи философии освобождения, педагогику угнетённых и современные интерпретации католической мысли. Ключевой методологической инновацией выступает концептуализация дисциплины как синкретичной «вовлечённой аксиологии», которая трансформирует историческую социальную уязвимость в коммунитарный этический императив в рамках стратегии глокализации. В отличие от англосаксонской модели «прикладной этики», такой подход переосмысливает биоэтику как антропологический феномен и инструмент преодоления неравенства, ориентированный на диалог с маргинализированными группами и утверждение культурной автономии.

5. Эволюция биоэтических концепций на латиноамериканском континенте включает четыре стадии: традиционно-этическую (гетерономную) (до 1970-х): заложен фундамент (католическая схоластика, либеральная теология и философия освобождения), позволивший выработать социально-критический императив защиты угнетённых; концептуализационную (1970–1980-е): биоэтика институционализировалась через практико-ориентированный этос врачей, что породило понимание биоэтики как «вовлечённой аксиологии» и макросоциального проекта; институционализационную (1990–2000-е): совершен деколониальный поворот, где через создание национальных комитетов утвердился примат солидарности и справедливости над автономией, превратив дисциплину в инструмент структурного преодоления эпистемического насилия и неравенства; современную (интегративно-технологическую) (2010-е – н.в.): синтезирует освободительную, феминистскую и экологическую биоэтику в целостный философский проект «этики надежды», радикально деконструирующий западный универсализм через диалог с локальными идеями и религиозным синкретизмом.

Современная биоэтическая мысль формируется в условиях взаимодействия трёх парадигм: 1) католической традиции, укоренённой в колониальном прошлом и ставшей основой этики сопротивления и синтеза с доколумбовыми практиками; 2) либеральной теологии, в которой религия, преодолевая догматизм, переосмысливается через свободу и прогресс; 3) постколониальной критики, деконструировавшей западный рационализм через выявление феномена «структурного угнетения». Конфигурация парадигм сформировала этическую платформу, направленную на преодоление структурного угнетения. Полипарадигмальность реализуется через интеграцию научного знания, социального и политического активизма и правовых инноваций.

6. Освободительная биоэтика (*bioética de la liberación*) выступает ответом на системное насилие и эксплуатацию развивающихся стран. Ее методология связана с теологией освобождения и критикой универсалистских западных биомедицинских моделей. Принципами освободительной биоэтики являются коллективная ответственность государства, науки и общества за справедливость, защиту репродуктивных прав, борьбу с генетической дискриминацией; деколонизация этики через актуализацию диалога государства, научного сообщества и широких слоев общественности с обязательным участием маргинализированных групп и уязвимых сообществ в принятии решений. В данном направлении работают: С. Майорга Мадригал, Д. Айала Кастильо, Ф. Луна, М. Коттоу, Ф.Л. Степке, Х.С. Арельяно Родригес, А.К. Майорга Мадригал, Ф.А. Гарсон Диас, О. Франка, М.Л. Гонсалес, Х. Нуньес, Э. Кейроло, Х.А. Виола и др.

7. Феминистская и экологическая биоэтика представляют собой варианты логического развития освободительной парадигмы, конкретизируя критику структурного насилия и приоритет защиты угнетённых в сферах гендерной справедливости и экологической целостности. Феминистская биоэтика (*bioética feminista*) актуализирует проблему тройной маргинализации женщин, обусловленной колониальным прошлым, экономическим неравенством и католическим догматизмом. Ключевые принципы феминистской биоэтики: критика медицинского патернализма и коммодификации женского тела, переход от формальных прав к гарантиям доступа к репродуктивным услугам, учёт «восходящих детерминант здоровья» (класс, гендер, этничность). В данном направлении работают: Ф. Луна, Г. Иррасабаль, М. Коттоу, К. Фелитти, М. Карбонелли, М. Сесилия Джонсон и др. Экологическая биоэтика (*bioética ambiental*) анализирует феномен «экологического расизма», ставя на первое место защиту уязвимых групп от неравного распределения рисков, интегрируя в науку и биоэтическую практику традиционные знания коренных народов,

противопоставляя антропоцентризму навыки устойчивого взаимодействия с природой. Через образовательные, экопедагогические и междисциплинарные подходы экологическая биоэтика формирует культуру уважения к живому, отвергая рыночную редукцию природы и продвигая идеи подчинения технологического прогресса экологическим максимам. В данном направлении работают Б. Боляньюс, К.К. Акоста Эрнандес, А.Х. Суарес Герреро, Р.Г. Азеведо, Л.С. Виана, А.Э. Оливейра, Р.Ф. Кинтана-Ариас, Ж.Б. Лопес, С.А. Гаспар, Н. Гомес, К.А. Коста, Ф. Маркес Варгас, Л.А. Мантуано Пилосо, Р. Грас Родригес, Э. Мараньон-Мурга, П. Линарес Маркес, Ж.Ф. Родригес-Ланда, С. Гонсалес-Перианьес, Ф.Р. Рамос-Моралес, П. Линарес-Маркес, М.Л. Фишер, П.Ф. Карвалью, Дж.К. Карнейро, К.Т. Пимпао, Ж.А. Триана, К.О. Гомес, М. Хименес-Каприлес и др.

Теоретическая значимость исследования. Диссертация вносит вклад в историю философии: систематизирует этапы развития биоэтики в Латинской Америке, раскрывает её импликацию в мировую и отечественную философию, выявляет взаимовлияние западных и региональных моделей. Показано, как постколониальный контекст, социальное неравенство и роль церкви формируют оригинальные биоэтические концепты и методы, а идеи философии освобождения переносятся в этику медицины и биотехнологий. В научный оборот введены переведённые автором труды латиноамериканских биоэтиков. Осмыслена роль интеркультурного и междисциплинарного подходов, а интеграция культурных норм обогащает теоретический арсенал современной биоэтики и гуманитарного знания в целом. Историко-философское исследование дает новый импульс для исследований в политической философии, постколониальных и гендерных исследованиях, теологии освобождения. Латиноамериканский опыт может стать моделью для изучения биоэтических проблем в других регионах со схожей историей колонизации и культурной разнородности.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть полезны в нескольких областях: в философском образовании – для преподавания курсов по истории философии, биоэтики, философии прав человека, философии стран Латинской Америки; в международном и кросс-культурном научном сотрудничестве – для понимания философских и социокультурных оснований биоэтики, что особенно актуально в контексте международной кооперации в вопросах здравоохранения, прав человека и экологии; в области практической биоэтики – для разработки рекомендаций, которые могут быть полезны для практиков в области медицины, социальной политики, правозащитной деятельности.

Степень достоверности результатов исследования подтверждается соответствием используемых методов и теоретических заключений, полученных в ходе работы над диссертацией, а также апробацией материалов исследования на научных мероприятиях и в публикациях.

Апробация результатов. Выводы и положения диссертации апробированы в форме выступлений на научных мероприятиях: на XV международной научно-практической конференции «Человек в системе коммуникаций: профессиональные коммуникации в цифровую эпоху» (Нижний Новгород, 2022); Всероссийской научно-практической конференции «Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории» (Соликамск, 2022); Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) Гусевские чтения: «Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики» (Москва, 2023, 2024, 2025, 2026); Большой конференции МГПУ (г. Москва, 2023); Глобальной конференции «The Migration Conference 2024» (Мехико, 2024); Международной конференции «Координаты современной урбанистики» (Москва, 2024); VII Международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» (Москва, 2024); Международной конференции VII Foreign International Scientific Conference «Joint innovation-Joint development» (Харбин, 2025); I Всероссийской конференции «Социокультурная идентичность и историческая динамика» (Новосибирск, 2025); Международной конференции «Координаты современной урбанистики: амбивалентность социального. К 115-летию Р.К. Мертон». (Москва, 2025); Международной научно-практической конференции «VIII Готлибовские чтения» (Иркутск, 2025); V Международной научной конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме» (Нижний Новгород, 2025); Всероссийской конференции «Границы науки / границы в науке» (Санкт-Петербург, 2025); VIII Международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» (Москва, 2025); Международной конференции IX Foreign International Scientific Conference «Trends in the development of science and global challenges» (Никарагуа, 2026).

Основные положения диссертации отражены в 16 научных статьях (7.4 п.л.), из которых шесть опубликованы в журналах из перечня ВАК России (4.1 п.л.).

Структура диссертации: введение, две главы (семь параграфов), заключение, список литературы, содержащий 265 источников, и приложение. Общий объем диссертации составил 200 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, выявляется степень ее разработанности, формулируются цель и задачи исследования, определяется его новизна, обосновывается структура диссертации.

Глава первая «Историко-философские предпосылки развития биоэтики» раскрывает особенности формирования латиноамериканской философии и современной биоэтики как части философского знания. В параграфе **1.1 «“Протобиоэтические” идеи в европейском философском контексте как основания появления биоэтики»** эксплицирует длительную интеллектуальную генеалогию, предшествовавшую институционализации биоэтики в 1960–1970-е годы. Категориальный каркас и проблемное поле новой дисциплины вызревали в последовательном развитии фундаментальных философских концептов.

Античная мысль (VI в. до н.э. – V в.) заложила фундаментальные протобиоэтические основы: Гиппократов принцип «не навреди», платоновское единство попечения о теле и душе, аристотелевскую «золотую середину» и стоическое учение о внутреннем достоинстве. *Средневековый период* (V–XV вв.) привнёс религиозно-теологическое измерение, синтезировав античное наследие с христианским мировоззрением (Августин Блаженный, Фома Аквинский, Х. Бингенская, Ибн Сина, И.Д. Скот). Идея священности и неприкосновенности человеческой жизни получила метафизическое обоснование. *Эпоха Нового времени* (XVI–XIX вв.) осуществила секуляризацию и радикальную трансформацию протобиоэтической мысли под влиянием научной революции. Р. Декарт заложил естественнонаучную базу для экспериментальной медицины, одновременно породив проблему редукции человека к машине. Ф. Бэкон утвердил идеал науки как инструмента улучшения человеческой жизни. Т. Гоббс обосновал идею государственного регулирования медицины в интересах общественного блага и безопасности. Д. Локк аргументировал суверенитет индивида над своим телом, а Д.С. Милль строго ограничил допустимость внешнего вмешательства лишь предотвращением вреда другим. Гегелевская диалектическая модель указала на то, что свобода осуществляется посредством взаимного признания субъектов. А. Шопенгауэр утверждал, что страдание есть фундаментальный и неустранимый удел всего живого в мире. В этот же период кристаллизовались основные этические системы, питающие биоэтику: утилитаризм И. Бентама, требующий максимизации счастья для наибольшего числа людей при распределении ресурсов и оценке технологий, и деонтология И. Канта с его категорическим императивом, утверждающим безусловную ценность человека как цели самой по себе и требующим уважения к его достоинству. Развитие идей добродетели (Д. Юм),

радикальный пересмотр ценностей (Ф. Ницше) и пересмотр места человека в природе (Ч. Дарвин) дополнили палитру подходов, актуальных для современного биоэтического дискурса. *Таким образом*, эволюция протобиоэтических идей представляет собой кумулятивный и диалектический процесс. Эта длительная интеллектуальная традиция сформировала тот самый философский каркас, который позволил биоэтике оформиться в качестве самостоятельной междисциплинарной области.

В параграфе **1.2 «Зарождение и становление биоэтики как науки»** изучены генезис и институционализация биоэтики как специфической области философско-этического знания, её анализ требует историко-философской реконструкции, выявляющей интеллектуальные и социокультурные предпосылки её возникновения. Формирование биоэтики на рубеже 1960–1970 гг. в США стало ответом на комплекс глобальных вызовов: беспрецедентный технологический прогресс в биомедицине, процессы глобализации и обострение социального неравенства. Эти факторы породили новые моральные дилеммы (эвтаназия, аборты, эксперименты на эмбрионах), которые не могли быть адекватно осмыслены в рамках классических этических теорий, что актуализировало потребность в новой, прикладной философии, способной вступить в диалог с практическими проблемами «пограничных» состояний человеческого существования.

Историко-философский анализ демонстрирует дуальность концептуальных оснований биоэтики. С одной стороны, термин «биоэтика» впервые был введен Ф. Яром в 1927 году как обозначение радикального расширения морального поля, предполагающего признание моральных обязательств человека не только перед другими людьми, но и перед всеми живыми существами. Этот биоцентрический подход заложил основы для будущей экологической этики. С другой стороны, современное концептуальное и дисциплинарное оформление биоэтики связано с работами В.Р. Поттера, в начале 1970-х годов он определил её как «науку о выживании» и «мостовидную дисциплину», призванную соединить биологическое знание с системой гуманистических ценностей. Поттер развивал идею глобальной биоэтики, расширяющей сферу моральной ответственности на всю биологическую реальность в противовес сужению её рамок до медицинской этики. Параллельно и практически одновременно, как отмечает У. Райх, произошло «рождение» другой, доминирующей модели. А. Хеллегерс (Джорджтаунский университет) инициировал оформление биоэтики как биомедицинской этики, фокусирующейся на этике разрешения конкретных дилемм в медицине и медико-научных исследованиях. Хеллегерс институализировал биоэтику как междисциплинарную

область знания на стыке медицины, права и философии и разработал её уникальную методологию. Возникло концептуальное противостояние между глобальной этикой Поттера и прикладной биомедицинской этикой Хеллегерса, определившее внутреннюю динамику и полемику в рамках дисциплины. В своём развитии биоэтика прошла эволюцию от «наивной» модели прикладной этики, предполагавшей прямое применение готовых моральных теорий (например, деонтологии или утилитаризма) к практическим казусам, к более сложным методологическим построениям. Критикуя раннюю модель, Т. Бошан и А. Макинтайр аргументировали диалектическую взаимосвязь теории и практики, где теория не просто применяется, но и сама корректируется в ходе анализа конкретных случаев.

Важнейшим шагом к формализации дисциплины стала принципалистская модель, предложенная Т. Бичампом и Д. Чилдрессом, которая выделила четыре ключевых принципа: автономии, благодеяния, непричинения вреда и справедливости. Эти принципы легли в основу множества международных и национальных этико-правовых документов. Одновременно философское пространство биоэтики стало полем столкновения универсализма и партикуляризма. С одной стороны, биоэтика обосновывалась (Д. Грасия) как закономерное следствие утверждения в западной культуре принципа моральной автономии индивида. С другой, констатация непреодолимого морального плюрализма современного общества позволила разработать концепцию процедурной биоэтики (Х.Т. Энгельгардт-мл.), в которой основой для взаимодействия «моральных незнакомцев» являются не содержательные ценности, а формальные процедуры, гарантирующие ненасильственное разрешение конфликтов. Столкновение подходов усугубилось вызовами новых технологий, что побудило философов, таких как Г. Йонас, сформулировать идею «этики ответственности» за будущие поколения и природу в целом, а Ф. Фукуяму – предостеречь человечество от антропологических рисков «новой евгеники» и биотехнологического усиления социального неравенства. В процессе своего становления биоэтика не сложилась в монолитную дисциплину, а проявилась в разных ипостасях. Можно выделить три её взаимосвязанных, но автономных аспекта (вслед за Д. МакМилланом): академический (теоретическое исследование), политический (формирование публичной политики и нормативных актов) и клинический (этическое консультирование у постели больного). Эта трехаспектная модель отражает сложный статус биоэтики одновременно как рефлексивной философской дисциплины, инструмента публичного управления и повседневной практики медицинского решения. *Таким образом, зарождение и становление*

биоэтики представляет собой нелинейный процесс формирования междисциплинарного поля знания в ответ на вызовы биомедицинского прогресса. Её история отмечена изначальным дуализмом между глобально-экологической и прикладной биомедицинской парадигмами, внутренним напряжением между универсализмом принципов и культурно-историческим релятивизмом, а также постоянной адаптацией методологического аппарата для осмысления новых технологических реалий. Это конституирует биоэтику как рефлексивный ответ современной философии на потребность в осмыслении границ вмешательства человека в процессы жизни и смерти.

В параграфе 1.3 **«Формирование и институционализация биоэтики в России (XX–XXI вв.): системные параллели с Латинской Америкой»** показано, что формирование биоэтики в России XX–XXI вв. представляет собой процесс сложной институционализации и концептуальной эволюции в контексте общего исторического пути отечественной философии. Выявлены системные параллели российской и латиноамериканской биоэтики. В результате критического переосмысления западной биоэтической модели в России и Латинской Америке утвердились приоритеты уважения к личности, социальной справедливости и солидарности, подкрепленные влиянием русской литературной традиции. В обеих школах оформились критика неолиберального переноса ответственности на индивида и скепсис по отношению к формальным нормам, которые в условиях бедности становятся «квази-принуждением». Общим вектором стал отказ от копирования внешних моделей и движение от формальной регуляции к онтологической этике ответственности.

В отечественном дискурсе биоэтика, определяемая как междисциплинарная область исследования моральных проблем, порождаемых биомедицинским прогрессом, изначально складывалась в специфических условиях советской философской традиции. На раннем этапе доминировала модель медицинской деонтологии, основанная на марксистско-ленинской методологии с приматом коллективного блага над индивидуальной автономией, что выражалось в патерналистской врачебной парадигме. Переломным моментом стала деятельность академика И.Т. Фролова и члена-корреспондента РАН Б.Г. Юдина, заложивших философские и организационные основы биоэтики в России. Их усилиями этическая проблематика была интегрирована в эпистемологический процесс, что способствовало преодолению идеологических барьеров и включению отечественных исследований в международный контекст.

Становление российской биоэтики связано с деятельностью сектора этики Института философии АН СССР в 1988 году. Позднее проблематика перешла в

лабораторию аксиологии познания и этики науки, где была редуцирована к вопросам гуманизации медицины. Сегодня же обозначенными вопросами занимается Сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН (2006) и первая в стране профильная Кафедра биоэтики РНИМУ им. Н.И. Пирогова (2000). Последняя, зародившись в конце 1980-х как факультативный курс, к 2002 году утвердила биоэтику как обязательный элемент последипломного медицинского образования. Концептуальное развитие российской биоэтики демонстрирует синтез наследия советской мысли, с её акцентом на социальную справедливость и солидарность, с современными глобальными дискуссиями об автономии, ответственности и антропологических вызовах технонауки. Труды ведущих философов – Б.Г. Юдина, Е.Г. Гребенщиковой, О.В. Поповой, Е.В. Введенской, П.Д. Тищенко, Е.В. Брызгалиной, В.И. Моисеева, У.С. Струговщиковой, А.О. Борисовой, А.Я. Иванюшкина, И.А. Иванюшкина, А.Л. Хохлова, И.В. Силуяновой и других – раскрывают многослойность проблемного поля: от осмысления здоровья как синкретичной категории (факт, норма, ценность) до этического регулирования цифровой медицины, искусственного интеллекта и прецизионного здравоохранения. Особое внимание уделяется антиномиям между автономией пациента и врачебной ответственностью, а также проблеме справедливого распределения ресурсов. *Таким образом*, идейный ресурс российской биоэтики оказался востребован далеко за пределами национальных границ, формируя общее поле альтернативной этической рефлексии. Российская биоэтика оформилась в динамичную философскую дисциплину, для которой характерны методологический плюрализм, высокая степень институционализации и рефлексивное осмысление трансформаций человеческого существования под воздействием биотехнологий.

Глава вторая «Основные направления и концепты современной латиноамериканской биоэтики» посвящена анализу основных направлений биоэтики в Латинской Америке в контексте её культурно-исторических особенностей и их влияния на формирование биоэтической мысли на континенте. В параграфе 2.1 **«Культурно-исторические особенности Латинской Америки и их влияние на становление биоэтической рефлексии на континенте»** раскрыты ключевые культурно-исторические детерминанты, сформировавшие уникальный контекст генезиса и развития биоэтической рефлексии в Латинской Америке. Становление данной дисциплины в регионе сопряжено с фундаментальной методологической сложностью, проистекающей из двойственной природы самого концепта «Латинская Америка» – геокультурного конструкта, исторически навязанного колониальными метрополиями. Данная генеалогия предопределила

центральную для региона дилемму самобытности и трансплантации, которая транслируется в современные дебаты о возможности «латиноамериканской биоэтики». Сущностной характеристикой, формирующей этическую повестку, является глубочайшее социально-экономическое неравенство, смещающее фокус с дилемм технологического прогресса на проблемы справедливости в отношении здоровья (*equidad sanitaria*) и доступа к базовой медицинской помощи. Эволюция биоэтической мысли реконструируется через несколько авторитетных периодизаций. Д. Грасия выделяет четыре исторических типа этики: доколумбову «этику дара», «этику деспотизма» завоевания, колониальную «патерналистскую этику» и современную «этику автономии». Х.А. Майнетти предлагает модель развития собственно биоэтики: этап восприятия (1970-е), ассимиляции (1980-е) и воссоздания идентичности (с 1990-х). А.Л. Эскобар говорит о фазах «трансплантации» и «консолидации», В. Гаррафа настаивает на расширении концептуального поля и на критическом анализе. Синтез этих моделей выявляет общую траекторию: от заимствования англосаксонской парадигмы к ее критическому переосмыслению и адаптации, чему способствовала активная институционализация под эгидой Панамериканской организации здравоохранения (ПАОЗ). Все периодизации подчинены единому мета-критерию, который выражается в поиске аутентичности морального субъекта (индеец, колонизатор, креол, а также латиноамериканский интеллигент как субъект биоэтической рефлексии, который проходит путь от отчужденного подражания к обретению собственного голоса). Опираясь на эти наработки, применительно к региону можно определить альтернативный четырехэтапный подход к периодизации эволюции биоэтических идей. Главным критерием историко-философской периодизации послужила эволюция модусов взаимосвязи между моральным сознанием, эпистемической суверенностью и социально-политической практикой. Появление нового четвертого этапа обосновано эпистемологическим скачком как ответ на сложные реалии и вызовы XX–XXI веков.

I. *Традиционно-этический (гетерономный) этап (до 1970-х годов)*. До оформления биоэтики как самостоятельной дисциплины этические вопросы медицины решались в рамках традиционной врачебной морали, католической этики и философской мысли. Католическая традиция выполняла двойственную функцию: служила оправданием колонизации и одновременно была инструментом сопротивления ей, о чем свидетельствуют дискуссии XVI века (Б. де Лас Касас, Х. де Сепульведа). К XVIII–XIX векам либеральная теология (Х.С.Т. де Мьер, Х.Б. Альберди) стремилась примирить веру с разумом и либеральными ценностями. Важнейшую роль в формировании будущего ядра биоэтической

рефлексии сыграла философия освобождения (Э. Дюссель, Л. Сеа, А.С. Бонди и др.), поставившая задачу достижения свободы через анализ латиноамериканских реалий и формирование самобытного мышления. Особого внимания заслуживает влияние русской литературы (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой) на латиноамериканских интеллектуалов. С одной стороны, анализ страдания и свободы в романе «Братья Карамазовы» стал важным ориентиром для теологов освобождения, видевших в бунте Ивана Карамазова метафору борьбы против структурного насилия. С другой стороны, толстовские воззрения обрели характер почти религиозной доктрины, сочетая этические принципы с глубоким социальным анализом. Этот этап также отмечен травматическим опытом евгенических программ и структурного насилия, что предопределило чувствительность к вопросам инструментализации человеческих тел в медицинских исследованиях.

II. *Концептуализационный этап. Формирование биоэтики как самостоятельной дисциплины (1970–1980-е гг.).* В 1970-е гг. термин «биоэтика» входит в академический дискурс, открываются первые университетские программы. В отличие от США, где дисциплину формировали теологи и философы, в Латинской Америке пионерами стали практикующие врачи, что предопределило ее практико-ориентированный характер. В Аргентине, например, через Институт Майнетти биоэтика интегрировалась в парадигму «медицинских гуманитаристик» под влиянием испанской антрополого-медицинской школы (П.Л. Энтральго), трактовалась не как внешняя прикладная этика, а как «вовлеченная аксиология» (*axiología implicada*). Принципиализм Бичампа-Чилдресса оказался недостаточным для решения проблем, порожденных крайним неравенством, что позже стимулировало поиск иных подходов.

III. *Институционализация биоэтики (1990–2000-е гг.).* Этот период стал ключевым для перехода биоэтики от дискуссий в плоскость практики. Его определяют три взаимосвязанных процесса. Во-первых, *микрокосм деколонизального периода*: идеи философов освобождения (Э. Дюссель) и теоретиков постколониальности (А. Кихано, В. Миньоло) способствовали критике евроцентричных моделей и формированию «биоэтики защиты», ориентированной на уязвимые группы. Во-вторых, рефлексия над *эпистемическим насилием* (игнорированием локальных знаний, по А. Эскобару) и сложными отношениями с интеллектуальной традицией Северной Америки. В-третьих, *создание национальных биоэтических комитетов и институтов (CONEP, CESTE, CONBIOÉTICA, FELAIBE⁴⁰)*. При активной роли ПАОЗ и Латиноамериканской

⁴⁰ CONEP – Национальная комиссия по этике в исследованиях при Министерстве здравоохранения (Бразилия);

школы биоэтики (*ELABE*) произошла ценностная переориентация: приоритетом стали принципы солидарности и справедливости, а биоэтика превратилась в инструмент артикуляции социальных реформ.

IV. *Современный (интегративно-технологический) этап: биоэтика в контексте глобальных вызовов (2010-е – настоящее время).* На современном этапе сохраняется запрос на диалог между глобальными стратегиями и локальными экосистемами знания. Религиозный фактор остается влиятельным, однако в синкретических формах, сочетающихся с местными традициями. Параллельно с консолидацией основных институтов происходит оформление мощных историко-философских альтернативных направлений, представляющих собой синтез предшествующей мысли:

1. *Освободительная биоэтика (Bioética de la liberación):* фокусируется на философском осмыслении социальной справедливости, деколонизации знания, критике эксплуатации стран Глобального Юга в биомедицинских исследованиях. В данном направлении работают: С. Майорга Мадригал, Д. Айала Кастильо, Ф. Луна, М. Коттоу, Ф.Л. Степке, Х.С. Арельяно Родригес, А.К. Майорга Мадригал, Ф.А. Гарсон Диас, О. Франка, М.Л. Гонсалес, Х. Нуньес, Э. Кейроло, Х.А. Виола и др.

2. *Феминистская биоэтика (Bioética feminista):* переосмысливает традиционные философские парадигмы через призму дискурсов гендерного неравенства, репродуктивной справедливости и телесной автономии. В данном направлении работают: Ф. Луна, Г. Иррасабаль, М. Коттоу, К. Фелитти, М. Карбонелли, М. Сесилия Джонсон и др.

3. *Экологическая биоэтика (Bioética ambiental)* продвигает биоцентрический философский дискурс, интегрируя знания коренных народов и акцентируя внимание на «экологическом расизме»: Б. Боланьос, К.К. Акоста Эрнандес, А.Х. Суарес Герреро, Р.Г. Азеведо, Л.С. Виана, А.Э. Оливейра, Р.Ф. Кинтана-Ариас, Ж.Б. Лопес, С.А. Гаспар, Н. Гомес, К.А. Коста, Ф. Маркес Варгас, Л.А. Мантуано Пилосо, Р. Грас Родригес, Э. Мараньон-Мурга, П. Линарес Маркес, Ж.Ф. Родригес-Ланда, С. Гонсалес-Перианьес, Ф.Р. Рамос-Моралес, П. Линарес-Маркес, М.Л. Фишер, П.Ф. Карвалью, Дж.К. Карнейро, К.Т. Пимпао, Ж.А. Триана, К.О. Гомес, М. Хименес-Каприлес и др. Таким образом, мы можем заключить, что биоэтика вышла за философские и академические рамки, став социально-ориентированным движением и проектом деколонизации, ядром которых стали

императивы справедливости, солидарности и защиты уязвимых, предложившие миру альтернативную модель, где этика жизни неотделима от борьбы за человеческое достоинство.

В параграфе 2.2 «Освободительная биоэтика» (*bioética de la liberación*) анализируется формирование оригинального направления латиноамериканской философско-этической мысли второй половины XX – начала XXI вв., возникшего в ответ на исторически сложившееся структурное насилие, системное социальное неравенство и хроническое нарушение базовых прав человека в регионе. Его интеллектуальная генеалогия укоренена в синтезе теологии освобождения, критической социальной теории и постколониальной эпистемологии, что предопределило ориентацию на радикальную критику властных отношений в сфере здравоохранения, биомедицинских исследований и публичной политики.

Данное направление конституируется как философский дискурс социального освобождения, направленный на деколонизацию знания и практик, подвергающих маргинализации уязвимые группы. В данном направлении выделяются С. Майорга Мадригал, Д. Айала Кастильо, Ф. Луна, М. Коттоу, Ф.Л. Степке, Х.С. Арельяно Родригес, А.К. Майорга Мадригал, Ф.А. Гарсон Диас, О. Франка, М.Л. Гонсалес, Х. Нуньес, Э. Кейроло, Х.А. Виола и др. В диссертации освободительная биоэтика рассматривается в концептуальных полях *социальной справедливости, уязвимости и ответственности; генетической дискриминации; репродуктивных прав*. Философско-этическая методология данного направления формируется через критику универалистских западных биомедицинских моделей, создавших «эпистемологическую иерархию» и игнорирующих локальные контексты. Центральным объектом философской критики становится глобальная асимметрия, при которой развитые страны эксплуатируют уязвимое население глобального Юга для клинических исследований, а неолиберальные реформы трансформируют здоровье в рыночный товар. Первое поле – *концепт социальной справедливости* – мы трактуем как императив преодоления конкретных форм угнетения, порождаемых колониальным наследием, экономической эксплуатацией и авторитарными политическими структурами. *Ответственность* должна перераспределяться с индивида на коллективные институты – государство, корпорации, международные организации, – которые обязаны гарантировать справедливый доступ к базовым медицинским благам. *Уязвимость* понимается не как естественное состояние, а как социально сконструированный феномен, требующий системной защиты от патернализма, стигматизации и коммерциализации. Второе ключевое концептуальное поле – *генетическая дискриминация* – мы определяем как новую форму структурирования неравенства, где

биотехнологический прогресс, коммерциализируемый через патенты и рыночные механизмы, рискует превратить социально-экономический разрыв в наследственный и биологически закреплённый. Освободительная биоэтика напоминает о рисках возникновения «генетического супермаркета», где привилегированный доступ к редактированию генома и геномной медицине усилит социальную сегрегацию, а генетические данные станут инструментом стигматизации. Третье поле – *репродуктивные права* – осмысливается как фронт борьбы за телесную автономию в условиях патриархальных и консервативных норм. Критике подвергается коммерциализация репродуктивных технологий, превращающая тело женщины в товар, а также системное пренебрежение к социальным детерминантам здоровья (бедность, инфекции, ограниченный доступ к безопасным абортам), которые являются подлинными причинами инфертильности и материнской смертности. Право на репродуктивное самоопределение связывается с преодолением глубокой социальной несправедливости. *Таким образом*, мы определяем освободительную биоэтику как философское трансформативное направление, нацеленное на деколонизацию этического дискурса через интеграцию маргинализированных голосов, учёт исторического контекста и радикальную переориентацию биоэтики с индивидуальной автономии на коллективную справедливость.

В параграфе 2.3 «**Феминистская биоэтика**» (*bioética feminista*) проведен историко-философский анализ феминистской биоэтики как междисциплинарной области, осуществляющей радикальный пересмотр оснований классической биоэтики через призму гендерного дискурса. В её эпистемологическом ядре лежит философская деконструкция патриархальных оснований биомедицинского знания и практик, раскрывающая, как производство норм в науке, праве и медицине исторически сопряжено с системным ограничением телесной автономии и репродуктивной свободы женщин.

В специфическом латиноамериканском контексте, отягощённом наследием колониализма, доминированием католической доктрины и глубоким социально-экономическим неравенством, эта критика приобретает особую остроту, фокусируясь на интерсекциональном переплетении структурного насилия. Данное направление насыщено яркими работами таких исследователей, как Ф. Луна, Г. Иррасабаль, М. Коттоу, К. Фелитти, М. Карбонелли, М. Сесилия Джонсон и др.

В выделенных концептуальных полях в диссертации раскрыт феномен феминистской биоэтики. В первом концептуальном поле (*гендерной асимметрии структурного насилия*) выявлены институционально закреплённые механизмы, через которые патриархальные структуры системно ограничивают автономию,

телесную целостность и репродуктивный выбор женщин. Структурное насилие легитимируется как норма через медицинский патернализм, криминализацию абортов и дискурсивные стратегии, сводящие женщину к функции репродукции. Установлено, как в латиноамериканских реалиях классовое положение опосредует формы уязвимости: женщины среднего класса, обладая формальным доступом к частной медицине, становятся объектом эксплуатации со стороны коммерциализированной системы, в то время как бедные женщины маргинализируются в публичном секторе, сталкиваясь с прямым пренебрежением, что иллюстрирует нелинейный и структурный характер уязвимости. Мы также выделяем ключевой объект критики (второе концептуальное поле) – *абортирование и медикализацию тела* как инструменты внешнего контроля. Критика сосредоточена на биополитических технологиях: опираясь на религиозные и патриархальные установки, они инструментализируют тело женщины, отрицая её субъектность. Дискурсивное конструирование эмбриона как автономного «ребёнка» («*bebé*», «*niño*» и «*feto*») становится оправданием криминализации, и практики медикализации, редуцирующие женский опыт (например, климактерий) к сумме патологических симптомов, закрепляют системное неравенство. При этом феминистская биоэтика выявляет парадокс: даже прогрессивное законодательство в иных областях часто оставляет нетронутым патриархальное ядро, сохраняя двойной стандарт в отношении репродуктивных прав женщин, особенно из бедных слоёв. Третий *концепт влияния католической церкви и норм морали* мы трактуем диалектически. С одной стороны, церковь выступает как мощный институт патриархального контроля, активно противодействующий либерализации абортов и доступу к контрацепции, манипулируя теологическими и псевдонаучными нарративами о «достоинстве плода». С другой стороны, исследования фиксируют женское агентство в форме синкретических практик сопротивления: женщины осуществляют автономную интерпретацию догм, сочетая биомедицинские процедуры с народными практиками и ритуалами, тем самым превращая религиозное поле в ресурс для утверждения собственной субъектности и репродуктивных траекторий. Наконец, в *поле феминистского движения* мы обнажаем дискурс, предлагающий полифонию стратегий. Очевиден синтез глобальных правозащитных нарративов, основанные на универсализме прав человека, с тактической борьбой в локальном контексте. Такие инициативы, как аргентинская *Campaña Nacional por el Derecho al Aborto* (кампания, выступающая за легализацию аборта в стране) или сети взаимопомощи *Socorristas en Red* (сеть феминистских групп в Аргентине), преобразуют интерсекциональные уязвимости в политическую силу, привлекающую внимание

латиноамериканских философов. Они подчеркивают балансирующее положение между требованием безоговорочного права на аборт и признанием сложности субъективного переживания такого опыта. *Таким образом*, феминистская биоэтика является радикальным философским направлением, осуществляющее критику сплава патриархата, колониального наследия и неолиберальной экономики, превращающего женское тело в поле биополитических битв. Императив направления заключается в переходе от декларативной риторики прав к этике обязательств и политическому действию, направленному на достижение телесной и репродуктивной справедливости.

В параграфе 2.4 «**Экологическая биоэтика**» (*Bioética ambiental*) анализируется становление и философско-концептуальное ядро экологической биоэтики как ответа на системный экологический кризис, который в латиноамериканском контексте обнажает уникальное переплетение биологического разнообразия, исторической эксплуатации природы и социального неравенства. Данный дискурс радикально расширяет классические биоэтические рамки за пределы антропоцентричности в сторону признания моральных обязательств перед живыми существами, экосистемами и будущими поколениями. Историко-философским истоком и первым концептуальным полем выступает последовательная *критика антропоцентризма* (Р.Г. Азеведо, Л.С. Виана, А.Э. Оливейра, Р.Ф. Кинтана-Ариас, Ж.Б. Лопес, С.А. Гаспар, Н. Гомес и др.). Она получает развитие через анализ его этических и практических следствий. Противопоставляется кантовский императив «*sapere aude*», эволюционировавший в установку на безграничную эксплуатацию, и принцип «*conscius aude*» Г. Йонаса, смещающий акцент на ответственность за долгосрочные последствия технологического вмешательства. Его «эвристика страха» призывает к превентивному действию для избегания наихудших сценариев, угрожающих самому существованию жизни. Эта критика находит конкретное выражение в требовании признания внутренней ценности не только человека, но и всех живых существ, что артикулировано уже в «биоэтическом императиве» Ф. Яра (1927). Последующий этический дискурс кристаллизировался в биоцентрических, экоцентрических и аболиционистских подходах (П. Тейлор; А. Нэсс – «глубинная экология»), утверждающих либо равноправие интересов всех живых существ, либо онтологическую целостность экосистем, в которые человек включен как часть, а не как господин (Б. Боланьос, К.К. Акоста Эрнандес, А.Х. Суарес Герреро, К.А. Коста, Ф. Маркес Варгас, Л.А. Мантуано Пилосо, Р. Грас Родригес). Особое место в этой критике занимает проблема морального статуса животных, выступающая в качестве одного из наиболее наглядных индикаторов

антропоцентрического сдвига. Оспаривается классическая философская позиция, восходящая к Канту, которая, отрицая у животных разумность и автономию, отказывала им в наличии достоинства и прав. В противовес этому утилитаристская традиция указывает на способность животных страдать как на достаточное основание для включения их в сферу морального внимания. Современная экологическая биоэтика развивает этот подход, утверждая необходимость признания за животными внутренней ценности, не зависящей от их полезности для человека (Э. Мараньон-Мурга, П. Линарес Маркес, Ж.Ф. Родригес-Ланда, С. Гонсалес-Перианьес, Ф.Р. Рамос-Моралес, П. Линарес-Маркес, М.Л. Фишер, П.Ф. Карвалью, Дж.К. Карнейро, К.Т. Пимпао, Ж.А. Триана, К.О. Гомес, М. Хименес-Каприлес). Непосредственным следствием отказа от антропоцентризма является *концепт ответственности перед будущими поколениями* (второе концептуальное поле экологической биоэтики, которое мы выделяем), формирующийся как этический и правовой императив (К.Б. Руис, Ж. Масиэль, М.Я. Мендоса-Луна, М.А. Васкес, Р.Г. Азеведо, Л.С. Виана, А.Э. Оливейра, Х.Д. Понсе-Лопес, Р. Грас-Родригес). Он обязывает настоящее поколение к сохранению и передаче необходимых условий для существования и развития потомков, что закреплено в Декларации ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека (2005) и конституционных нормах ряда стран (например, Конституция Бразилии 1988 г.). Третьим концептуальным столпом историко-философского осмысления колониального наследия является *экологическая справедливость*. Она аккумулирует требования справедливого распределения экологических благ и бремени, защиты уязвимых сообществ от непропорционального воздействия рисков (феномен «экологического расизма») и обеспечения их значимого участия в принятии решений (Л.М. Васкес, К. Филла Розанели, К.К. Акоста Эрнандес, Э. Ортис-Муньос, О.А. Санчес-Агирре, П. Линарес-Маркес, А. Санчес-Медина, Л.М. Кано-Асселейх). А также на первый план выходит взаимосвязь экологической справедливости как философского дискурса, прав природы и критики утилитаризма (А. Коронель, Х.М. Вильярроя, С. Саларди). В латиноамериканском контексте это проявляется в критике переноса экологических издержек на периферийные регионы, в защите прав коренных народов на землю и традиционные знания (в духе Протокола Нагойя), а также в противодействии законодательным инициативам, усиливающим структурное неравенство (например, законы, ограничивающие обмен традиционными семенами в пользу крупных агрокорпораций). Наконец, интегративную и практико-ориентированную функцию выполняет *этика заботы* (четвертое концептуальное поле), где мы выявляем философский дискурс, возвращая философскую рефлексию к

конкретным механизмам уважения ко всему через научные, правовые и образовательные механизмы (К.Р. Монтесума Виера, П. Линарес Маркес). Она находит выражение в «биоэтике защиты», в законодательном закреплении прав природы (Конституции Боливии и Эквадора признают права природы – «*Pacha Mاما*»), в развитии экопедагогики и междисциплинарных комитетов, призванных гармонизировать отношения человека и природы. Этика заботы подразумевает переход от утилитарной логики к научно обоснованному сохранению целостности экосистем, что требует синтеза экспертного знания и традиционных практик устойчивого природопользования. Таким образом, экологическая биоэтика предстает как философско-осмысленный комплексный ответ на вызовы техногенной цивилизации. Через концептуальные поля деконструкции антропоцентризма и этики заботы, посредством утверждения межпоколенной ответственности и экологической справедливости она формирует новую философско-нормативную платформу, нацеленную на трансформацию культурных парадигм и политических практик.

В **Заключении** сделан вывод, что генезис и развитие биоэтики как полипарадигмального феномена есть сложный диалектический процесс, интеллектуальные истоки которого восходят к античной и средневековой мысли, а концептуальное оформление – к философским системам Нового времени. Современная биоэтическая парадигма, кристаллизовавшаяся в XX в. под влиянием экзистенциализма, феноменологии и биополитики, характеризуется отказом от антропоцентризма, признанием ценностного плюрализма и движением в сторону процедурно-диалогических методологий. Латиноамериканская версия биоэтики, преодолев барьер между традиционной гетерономной этикой и интегральной социально-преобразовательной практикой, сформировала уникальную «вовлечённую аксиологию», объединяющую императивы справедливости, солидарности и защиты уязвимых. Современные направления латиноамериканской биоэтики (освободительное, феминистское и экологическое) интегрируют католическую традицию, постколониальную критику и социальный активизм, превращая этику в инструмент борьбы за справедливость и биоэтический суверенитет латиноамериканских государств. Латиноамериканская биоэтика утвердилась и как академический дискурс, и как форма социально-преобразовательных практик. Её перспективы связаны с ответом на вызовы неустойчивости, цифровизации (цифровая биоэтика) и биоэтического глобализма, где биоданные и биотехнологии становятся ресурсом геополитики.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:
Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ**

1. Дружкин С.М. Критическая система Иммануила Канта в латиноамериканской биоэтической рефлексии // Технологос. 2024. № 3. С. 154–163. (0,9 п. л.)
2. Дружкин С.М. Биоэтика как практическая философия в Латинской Америке: современный философский дискурс // Миссия Конфессий. 2025. № 2(83). С. 122–127. (0,5 п. л.)
3. Дружкин С.М. Историко-философские основания развития биоэтики в Латинской Америке: от колониального наследия до философии освобождения. *Respublica Literaria*. 2025. Т. 6. № 2. С. 144–152. (0,7 п. л.)
4. Дружкин С.М. Рут Маклин и ее влияние на формирование современной биоэтики в Латинской Америке // Миссия Конфессий. 2025. № 1(82). С. 183–189. (0,6 п. л.)
5. Дружкин С.М. Биосоциальный ландшафт дискурсивной урбанистики (на примере латиноамериканских городов) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 257–263. (0,5 п. л.)
6. Дружкин С.М. *Bioética ambiental* как локус критики антропоцентризма в латиноамериканской философии // Общество: философия, история, культура. 2026. № 1. С. 57–63. (0,9 п. л.)

Публикации в других изданиях

7. Дружкин С.М. Флоренция Луна: трансгуманизм в современной латиноамериканской философии // Координаты современной урбанистики: новая гуманитарная перспектива. М.: «ИНФРА-М», 2023. С. 66–69. (0,2 п. л.)
8. Дружкин С.М. Биоэтика в современном гуманитарном пространстве // Большая конференция МГПУ. М.: Издательство Парадигма, 2023. С. 144–147. (0,2 п. л.)
9. Дружкин С.М. Российско-аргентинские отношения: латиноамериканский подход к решению вопросов биоэтики // Гусевские чтения – 2023. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 724–730. (0,4 п. л.)

10. Дружкин С.М. Биоэтическая рефлексия в современной латиноамериканской философии как консолидирующий фактор устойчивого развития региона // Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории. Соликамск: СГПИ, 2023. С. 26–29. (0,2 п. л.)

11. Дружкин С.М. Современные биоэтические вызовы в России и латиноамериканских странах // Гусевские чтения – 2024. Три измерения политической истории: идеология, политика, практика. М.: МГПУ, 2024. С. 175–185. (0,6 п. л.)

12. Druzhkin S.M. Migration of scientific ideas as a factor of bioethical reflection in Latin America // The migration conference 2024. Stamford: Transnational Press London, 2024. С. 257–258. (0,2 п. л.)

13. Druzhkin S.M. Asian and Latin American models of bioethics: comparative analysis // Joint innovation-Joint development: сб. статей VII Foreign International Scientific Conference (Harbin, China). 2025. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2025. С. 197–199. (0,2 п. л.)

14. Дружкин С.М. Влияние нейросетей на биоэтическую рефлексия: вызовы урбанизма // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды V Международной научной конференции, Н. Новгород, 03–05 октября 2025 года. М.: РОИФН, 2025. С. 125–129. (0,4 п. л.)

15. Дружкин С.М. «Аномия» Р. Мертона как структурный дисбаланс: проявление теории в латиноамериканском социуме // Координаты современной урбанистики: амбивалентность социального (к 115-летию Роберта Мертона). Т. 1. Системные дихотомии. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2025. С. 24–37. (0,5 п. л.)

16. Druzhkin S.M. La ética del cuidado en la reflexión ecobioética latinoamericana // Tendencias en el desarrollo de la ciencia y desafíos globales: сб. статей Colección temática de artículos de la Conferencia Científica Internacional Extranjera (Managua, Nicaragua). 2026. Managua: INIH «Desarrollo nacional», 2026. P. 91-97. (0,4 п. л.)